

Получив особую милость Императора, Тянь Яо

Все присутствующие на мгновение переглянулись в растерянности. Князь Ляньсинь Тянь Лянь среди всех принцев славился своим миролюбием. В отличие от Тянь Мина, который тайком сколачивал клики и партии, выжидая подходящего момента, Тянь Лянь — как показали годы скрытых и явных проверок — никогда и словом не участвовал в подобных распрях. Однако благодаря влиянию его императрицы-матери, а также чрезмерному благоволению со стороны Императора, вокруг него собралась целая вереница людей, из-за чего он день ото дня становился всё более серьёзной угрозой для Наследного принца.

Но что происходит сегодня? Неужели этот наполненный порохом воздух затронул и полы его одежд?

В отличие от Партии Наследного принца и Партии Тяньмина, чьи лица поменяли цвет с синеватого на бледный, а затем на багровый, принцы и ваны, всецело преданные Партии Тяньляня, сияли от радости. Даже на лице Императора, обычно хранящем невозмутимое спокойствие, появилась лёгкая улыбка радости.

Лица братьев Ли изменились. Мало того, что они, будучи членами Партии Тяньмина, ощутили угрозу скорого возвышения Партии Тяньляня, так они ещё почувствовали, что взгляд Тянь Ляня то и дело — то ли случайно, то ли намеренно — останавливается на них.

Тянь Яо слегка нахмурился, в задумчивости глядя на Тянь Ляня. Неужели история изменилась? В его воспоминаниях Партия Тяньляня всегда хранила молчание и никогда не участвовала в подобных усобицах, пока после отцеубийства — из-за явной или скрытой поддержки и знаков со стороны Тянь Яо, сменившего к тому времени имя, — большинство людей из этой группировки, за исключением единиц, покинувших её, не присоединились к Партии Яо, став сильнейшим оплотом его восхождения на трон. Но теперь...

Столкнувшись с полными страха, ожидания или сомнения взглядами, Тянь Лянь опустил ресницы, тронув губы лёгкой улыбкой. Он с сосредоточенным видом очищал белыми нефритовыми палочками кусок рыбного филе от костей, сохраняя прежний безмятежный вид — казалось, только что прозвучавшие слова не несли в себе никакого особенного смысла.

Неужели это и вправду было сказано невпопад? Помолчав какое-то время, когда шёпот в дальних углах зала уже грозил занять всё пространство праздничного пира, вдруг раздался необыкновенно приятный голос.

— Все мы — сыновья Императора, делить нам нечего.

Тянь Лянь наконец закончил возиться с костями и небрежным движением положил белоснежное, нежное рыбное филе в пиалу Тянь Яо, после чего беззаботно заговорил.

Его голос обладал странным магнетизмом: он звучал словно перекатывающийся среди камней

лунный свет, журчащий в горных лесах чистый ручей или ласкающий слух мягкий весенний ветерок — в нём таилась магия, способная мгновенно успокоить человеческое сердце.

В банкетном зале вновь воцарилась тишина. То ли все тихо погрузились в околдовывающий звон этого голоса, то ли глубже прониклись смыслом его слов.

В глазах Императора Хучжэня промелькнуло одобрение, и он чуть заметно кивнул.

Увидев, что заговорил сам Тянь Лянь, члены Партии Ляня, разумеется, не могли оставаться в стороне. Тянь Ле, до этого усердно уплетавший угощения, с трудом проглотил то, что было во рту, опрокинул в горло несколько крупных глотков вина и зачастил в подтверждение:

— Верно, верно, именно так. К чему все эти разговоры о единокровных братьях, такая морока! Все мы принцы, какая между нами разница?

Этой репликой он ловко заглушил все предыдущие возражения прочих принцев, и буря стихла так же быстро, как и началась.

Только что спорившие до хрипоты ваны переглянулись, не зная, что и ответить.

Лица братьев Ли переменились. Быть может, остальные ничего не расслышали, а может, князь Ляньсинь и вовсе не целился в них, но эти слова тонко и ненавязчиво напоминали: сейчас идёт императорский пир, и все присутствующие здесь должны принадлежать к одному роду, тогда как они двое — чужаки, которым изначально не стоило вступать в разговор.

Этот князь Ляньсинь, всегда славившийся кротостью и мягкостью нрава, никогда ни с кем не враждовал и вряд ли имел причины нападать именно на них — возможно, они просто накрутили себя.

Они переглянулись, обмениваясь взглядами, в которых читалась эта мысль.

— Сяо Лянь прав.

Восседавший на возвышении государь охватил взглядом каждого и довольно кивнул. Его исполненный природного величия взгляд, обращённый на Тянь Ляня, был полон глубочайшей нежности и баловства:

— Я собрал вас всех здесь сегодня вовсе не для того, чтобы вы устраивали шум и свары.

Раз уж слово взял сам Император, всем недовольным пришлось поспешно припрятать свои чувства.

Придворный евнух Императора благоразумно удалился, а мгновение спустя умолкли и музыканты на эстраде.

Во всём огромном тронном зале воцарилась мёртвая тишина.

— Сегодня, с одной стороны, праздничный пир в честь Яо Эра, — Император, судя по всему, остался недошлишком доволен столь чересчур торжественной обстановкой, слегка нахмурился, но всё же продолжил: — А с другой...

Тянь Яо замер. Взгляд, которым император одарил его, сохранил слабый отблеск отцовской любви, но в глубине души принца прозвучало несколько презрительных, холодных смешков: какая польза от вашей заботы и ласки теперь? Если я стану угрожать вашему престолу, вы же без колебаний предадите меня смерти истерзанием!

— Сяо Ляню тоже пора покинуть дворец. Раньше всё откладывалось из-за его хвори, так воспользуемся же тем, что все в сборе, и уладим это дело.

Принцы прекрасно понимали: Император исподволь поддерживает Партию Ляня, и отправить его за пределы дворца — значит, с одной стороны, ещё выше поднять его авторитет среди простого народа, а с другой — побудить активнее привлекать на свою сторону сановников, укрепляя мощь партии через брачные союзы и прочие средства.

Даже горделивый по своей природе Наследный принц был вынужден признать: если бы Тянь Лянь не страдал от физической немощи, не позволявшей ему претендовать на императорский трон, Император Хучжэнь без малейших колебаний пожаловал бы титул наследника этому своему самому любимому сыну.

Что же означает такой приказ сейчас? Все, разумеется, прекрасно понимали без лишних слов.

Принцы переглянулись, в их взглядах промелькнуло изрядное беспокойство, но раз уж такова воля Императора, им оставалось лишь стиснуть зубы и, переборов себя, кивнуть.

— Раз ни у кого нет возражений...

Император был явно доволен испуганным и почтительным видом своих сыновей.

— Чжоу Су, огласи императорский указ.

Неизменно стоявший поодаль, опустив руки, за спиной Императора главный евнух — единственный, кому было даровано имя лично Императором Хучжэнем, — привычно и без лишних движений подхватил ярко-жёлтый свиток и почтительно развернул его.

Процветает Белый Тигр, таково повеление императора Чжэня: принимая во внимание добродетельный нрав князя Ляньсинь, столь милый нашему сердцу, ныне даруем ему новое имя Тянь Яо и жалуем брак с Лян Синь, дочерью правого министра Лян Гуана. Посему нарекаем сию девицу за её степенность, добродетель и превосходную внешность поистине небесным союзом. Третьего числа следующего месяца покинуть дворец и справить свадьбу. Исполнять!

Этот дребезжащий, пронзительный голос напоминал скрежет ногтей по железу и резал слух, но никто не обращал на это внимания. Все взгляды были прикованы к Тянь Ляню, и в них смешивались зависть и страх. Правый министр ныне пользовался у Императора бешеной популярностью и обладал огромной властью; породниться с ним — значило сорвать поистине огромный куш, обеспечив себе мощную опору для дальнейшего возвышения. К тому же ходили слухи, что девица умна и красива, славясь на весь Государство Белого Тигра. Как тут не захлебнуться от зависти и ревности, заполучив столь завидную невесту?

Тянь Лянь, нет, теперь его следовало звать Тянь Яо, опустил ресницы и, помолчав с мгновение, тихо произмолвил:

— Благодарю Императора-отца за дарование брака.

Император Хучжэнь втайне с облегчением выдохнул и махнул рукой. Чжоу Су почтительно подал указ вперёд.

Тянь Яо машинально взял свиток и, даже не глянув на него, обратился к Императоре:

— Отец-Император, Яо Эр нездоров, могу ли я покинуть пир первым?

Император кивнул, выражая своё милостивое позволение, и повернулся к Чжоу Су:

— Пошли за императорским лекарем, пусть позаботится о нём.

Тянь Яо бросил короткий взгляд на Тянь Яо, после чего развернулся и тихо вышел.

Тянь Яо осул кубок до дна и внезапно произнёс:

— Отец-Император, могу ли я тоже удалиться?

Не дожидаясь императорского соизволения, он поднялся с места и, взметнув рукава, решительно зашагал прочь.

В зале поднялся всеобщий ропот. Оставим в стороне то, что назвать себя я перед Императором — тягчайшее оскорбление величества, но один только этот самовольный уход давал любителям

посудачить прекрасный повод повсюду трепать языками о неуважении к высочайшему престолу.

Лицо Императора едва заметно переменилось, и он молча смотрел вслед гордой, прямой фигуре Тянь Яо, пока та окончательно не скрылась из виду.

<http://bllate.org/book/24821/2936174>